

2. Борисова Е.Н. О некоторых проблемах становления и развития словарного состава русского языка XVI–XVIII вв. // Вопросы языкознания. 1978. № 5. С. 128–141.
3. Волков С.С. Севернорусские диалектизмы и русских челобитных XVII в // Севернорусские говоры: Сб. статей. Вып. ХЛ., 1979. С. 69–77.
4. Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII века. Л.: Наука, 1974. 253 с.
5. Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М.: Изд-во Моск. пед.ун-та, 2000. 287 с.
6. Майоров А.П. Региональный узус деловой письменности XVIII в. (по памятникам Забайкалья). М., 2006. 314 с.

М. С. Выхристюк, г. Тобольск

НОРМА И УЗУС: К ПРОБЛЕМЕ СТАНДАРТИЗАЦИИ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА XVII–XVIII вв. В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время в работах по истории русского литературного языка все активнее разрабатываются проблемы, связанные с теоретическим исследованием и осмыслением понятия языка [Живов 2002, Ремнева 1995; Киянова 2006; Копосов 2000; Кортава 1998; Никитин 2000 и др.]. Языковеды пытаются найти ответы на вопрос: что могла представлять собой норма, в том числе в применении к преднациональному периоду, как она фиксировалась. Т.В. Кортава считает, что, «несмотря на наличие обширной библиографии по исследуемой теме, следует констатировать, что в целом круг вопросов, связанных с проблемой нормы московского языка XVII в., представляется не до конца изученным, очевидно, из-за недостатка частных исследований, построенных на материале приказного языка» [Кортава 1998: 32]. Это заключение в значительной мере относится и почти ко всему XVIII веку.

Попытаемся определить сущностные характеристики нормы русской деловой письменности XVIII в., которая представлена в архивных фондах г. Тобольска многочисленными текстами разных жанров. Именно текст делового документа (деловой текст) заключает в себе обширные материалы для осмысления понятия языковой нормы.

М.Л. Ремнева, автор книги «История русского литературного языка», считает, что в рассматриваемый период нормированными были уже и литературный язык (церковнославянский русской редакции), и деловой язык [Ремнева 1995: 29].

Суждение о том, что деловой язык XVII–XVIII вв. обладал системой норм, не является общепризнанным. Б.А. Ларин это мнение принимает как исходное положение, не требующее доказательств [Ларин 1975: 227]. Л.Ф. Копосов считает, что лишь «...к середине XVI века складывается единая для Московского государства система делопроизводства, и именно в этот период орфографические нормы, сформировавшиеся в московских приказных учреждениях, получают распространение на всей русской территории». Он же обосновывает понятие местной (локальной) нормы, содержащей как обязательный компонент общерусский вариант нормы [Копосов 2000: 10].

В силу ряда причин сегодня в науке представляется не до конца изученным круг вопросов, связанных с проблемой нормы старорусской деловой письменности (деловых текстов):

Во-первых, не всеми исследователями признается правомерность употребления понятия «норма» применительно к русскому языку разных периодов. Так, Ф.П. Филин утверждал: «Норма как объективное явление неотделима от языка на любой стадии его развития, начиная с самых древнейших времен» [Филин 1981: 18-19]. Н.Н. Семенюк, автор статьи «Норма языковая» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», также полагает, что в более широком понимании норма трактуется как «неотъемлемый атрибут языка на всех этапах его развития» и определяет ее как «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации: норма как совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, является специфическим признаком литературного языка национального периода» [ЛЭС 1990: 337]. Данное утверждение находим и в работах В.В. Виноградова [Виноградов 1982: 44].

Другие исследователи пытаются вычленить определенные периоды в истории развития русского языка, когда правомерно употребление понятия *нормы*. Так, М.В. Каравашкина пишет, что «уместно было бы говорить о XVI в. как о переходном периоде от узуса к норме, как об этапе осознания узуса. Применительно к русскому литературному языку до XVII в. понятие *нормы* является недопустимой модернизацией. Возможно употреблять лишь термин «узус» — «обычай» [Каравашкина 1999: 110]. Такого же мнения придерживается А.П. Майоров в последних своих трудах, анализируя памятники письменности Забайкалья [Майоров 2004: 2006].

Исследователи нормы старорусского письма выдвигают гипотезы о характере этой нормы. Некоторые из них, например, А.А. Алексеев [Алексеев 1994: 34], Т.В. Кортава [Кортава 1998: 9], при описании деловых текстов в понимании нормы опираются на определение А. Едлички: «...под нормой обычно понимается совокупность соответствующим образом реализованных языковых средств, принятых в данном языковом обществе носителей как общепринятые, и те закономерности, которыми определяется употребление языковых средств» [Едличка 1976: 18].

При осмыслении понятия *нормы* языковеды, как правило, освещают оппозицию норма литературного языка — норма языка рассматриваемого периода (в нашем случае общегражданского старорусского языка XVIII в.) и определяют это понятие через совокупность особых свойств и качеств: устойчивости и избирательности, исторической обусловленности, строгой однозначности и функционально-стилистической обусловленности, правильности и общеобязательности, а также изменчивости и подвижности.

Применительно к деловым текстам XVII–XVIII вв. г. **Тобольска, на наш взгляд, определение может быть следующим: норма** есть совокупность обязательных, наиболее адекватных для данного исторического периода языковых единиц, средств, структур, а также закономерностей и тенденций, которыми определяется употребление этих языковых единиц, средств, структур. **Текстовая норма** применительно к деловой письменности XVII–XVIII вв. рассматривается нами как совокупность языковых средств (качеств), которые позволяют констатировать адекватность формы содержанию.

Однако для нормы XVII–XVIII вв. были характерны как обязательность, устойчивость, функционально-стилистическая обусловленность, так и нестабильность, варьирование, подвижность. В целом развитие норм определенной территории и определенного исторического периода обусловлено двумя факторами: социально-историческими и собственно лингвистическими. Так, в старорусских таможенных книгах нормы формулярных единиц определялись соответствующими таможенными грамотами, уставами и т. д. В первую очередь социально-исторические факты развития нормы определяют лингвистическую трансформацию текстовых единиц на разных языковых уровнях.

Во-вторых, требует решения вопрос об определении специфики процессов становления норм деловой письменной речи рассматриваемого периода. Лингвисты и в церковнославянском, и в деловом языке предлагают выделять несколько типов норм. М.Л. Ремнева указывает

на строгую норму и сниженную [Ремнева 2003: 31]. Тип строгой нормы реализуется в памятниках богослужебной литературы, ораторской прозы, житий; а в летописях, словах, повестях реализуется сниженная норма. Строгая норма церковнославянского языка не допускала вариантов и поэтому к XVII в. практически не претерпела существенных изменений. Сниженная норма, выходя за рамки церковнославянского языка, характеризовалась вариативностью, динамичностью. М.Л. Ремнева предложила реестр признаков, по которым определялся уровень нормы: дв. ч. / мн. ч. для выражения значения парности; дательный самостоятельный, формы на *-л-* в прошедшем времени для обозначения совокупности старых простых и сложных форм прошедшего времени; набор служебных слов для выражения условных, причинных и временных значений [Ремнева 2003: 32].

Л.Ф. Копосов в деловой письменности XVII–XVIII вв., наряду с общерусской нормой делового письма, также выделяет местную (локальную) норму, отличительными особенностями которой были нестабильность, быстрое обновление состава варьирующихся элементов [Копосов 2000: 12].

Т.В. Кортава также считает: «Наряду с устойчивым и обязательным употреблением штампов, в орфографической практике московских приказов допускалось использование различных вариантных написаний как одинаково приемлемых. Это создавало возможность для контролируемого выбора писцом определенных форм в каждом конкретном случае» [Кортава 1998: 38]. Вариативность норм приказного языка «...объясняется отсутствием той организованности, к которой мы привыкли в современном русском литературном языке и которая устанавливается в результате многовековой шлифовки и совершенствования языка» [Черных 1953: 142]. В этом случае удобнее вести речь *об узусе*. В свое время на «диалектно-областные варианты письменно-деловой речи» указывали В.В. Виноградов [Виноградов 1978: 114] и С.И. Котков [Котков 1972: 136]. Эту мысль сегодня развивают Л.Ф. Копосов [Копосов 2000: 48], А.П. Майоров [Майоров 2006: 12, 87].

В-третьих, дискуссионен вопрос об определении текстовой нормы как иерархической структуры норм. В рамках старорусского документа необходимо различать группы нормообразующих единиц. Нормы документа закреплялись прежде всего на уровне формуляра (субтекстовой структуры). Усвоение норм составления делового текста того или иного жанра требовало от писцов сформированных навыков, тем более что исполнители документа часто не переписывали текст, а моделировали его по памяти.

В текстовой норме обнаруживается, на наш взгляд, следующая иерархия нормообразующих единиц: 1) центральные (ядерные) — формулярные; 2) периферийные, включающие единицы различных языковых ярусов, прежде всего синтаксического. Другими словами, можно рассматривать текстовые нормы как иерархическую структуру норм, где каждый вышестоящий уровень включает в себя строевые «единицы» предыдущего уровня.

В-четвертых, требует рассмотрения вопрос о понятиях «норма» и «кодификация». Не всеми исследователями четко определяется различие между нормой и кодификацией [Едличка 1968: 135]. Большинство из них, как правило, ограничивается констатацией факта, что кодификации деловой письменности старорусского периода не было.

Рассматривая понятия «норма» и «кодификация», попытаемся определить, в каких соотношениях между собой находятся эти понятия. А. Едличка указывает на связь между ними. В более древние периоды развития языка не существовало понятия кодификации в современном смысле слова, «...функцию кодификации выполняли зачастую образцовые литературные произведения, в которых была реализована современная им литературная норма. Они и стали основой позднейшей кодификации» [Едличка 1968: 19]. Положения работ А. Едлички получили развитие в статье А.А. Алексеева, в которой автор утверждает, что «очевидной стабильностью норм обладают тексты, созданные в ту эпоху, когда не существовало кодификации современного типа»: исследователь пытается определить тексты, которые служили образцом, а также заявляет,

что «отсутствие кодификации современного типа способствовало колебанию нормы в широких пределах. К этому же приводило рукописное копирование» [Алексеев 1994: 34].

Т.В. Кортава, характеризуя нормы приказного языка, указывает: «Прагматические потребности членов коммуникативного сообщества обуславливают необходимость существования кодификации, которая предстает как результат деятельности людей, субъектов коммуникации, направленной на закрепление определенных норм, значимых для конкретного периода. Кодификация <...> есть в некотором смысле условность, соотносимая с нормой как объективной языковой реальностью» [Кортава 1998: 66]. Полагаем, что в старорусский период не существовало кодификации в современном смысле слова: деловой язык XVII–XVIII вв., не имевший кодифицированных источников, остался на уровне текстового узуального нормирования.

Необходимость коммуникации в рамках делопроизводства в XVII–XVIII вв. **настоятельно** требовала кодификации, которая и была направлена на закрепление норм, характерных для данного периода развития языка. Кодификация, таким образом, оказывается необходимой для реализации нормы как языковой реальности. Создавая документы, писцы ориентировались на определенные образцы деловых текстов в основном центра (Сената и Синода). XVII–XVIII вв. — время, когда делопроизводство было весьма развито и представлено многообразием жанров деловых текстов. Это было время становления официальной кодификации, т. е. кодификации, закрепленной в документах, актах, исходящих от власти, а именно в образцовых текстах. Таким образом, в XVII–XVIII вв. **официальные кодификационные процессы определяют функционирование** норм деловой письменности.

В-пятых, требует рассмотрения вопрос о функционировании нормы делового текста, ее часто называют узуальной, то есть сопоставляются и даже смешиваются два противопоставленных друг другу понятия: *норма* и *узус* [Копосов 2000: 12]. Применительно к старорусским письменным деловым текстам узус, характеризующийся как общепринятая, регулярная воспроизводимость единиц языка, закрепленная в употреблении, «сливается» с нормой, так как обладает качествами нормы и имеет письменную традицию. Авторы старорусских текстов, не имея кодифицированных источников, в оформлении формулярных составляющих текста разных жанров пытались следовать определенным языковым традициям, тем самым закрепляли общепринятое как нормированное.

В-шестых, требует анализа проблема грамматической вариативности. Некоторые исследователи сочетают описание норм деловой письменности с описанием вариативности — возможности представления текстовых единиц разными способами. «Варьирование, — считает Т.В. Кортава, — это объективное и неизбежное следствие языковой эволюции. Вариативность как свойство языковой системы не исключает обязательности и не противопоставлена норме. Вне проблемы вариативности не существует проблемы нормы» [Кортава 1998: 37]. Исследователи языка связывают существование широкой области вариативности с отсутствием кодификации [Кортава 1998: 56].

Полагаем, что, если в грамматической системе существует огромное количество вариантов многих форм, ни о какой норме в языке говорить не приходится. Особенно если существование вариантов не обусловлено более или менее единообразными правилами употребления. Вариативность на стадии отсутствия грамматикализации вариантов мешает становлению нормы.

В-седьмых, актуален вопрос об авторстве деловой письменности. Антропоцентрическое изучение языковой личности писца предполагает анализ его возможностей оперировать языковыми средствами, являющимися приемлемыми для данной территории определенного периода.

Таким образом, результаты осмысления проблем нормы и узуса русской деловой письменности XVII–XVIII вв. сводятся к следующему:

1. Вопрос наличия нормы на всех этапах развития русского языка остается дискуссионным. Одни ученые (В.В. Виноградов, Ф.П. Филин, А.А. Алексеев, Н.Н. Семенюк и др.)

признают норму как объективное явление на всех этапах развития языка, другие (М.В. Каравашкина) отрицают наличие норм на определенных этапах развития языка. Допускаем, что языковая норма присуща каждой исторической эпохе, хотя в ряде случаев имеет специфику и может быть определена как узус.

2. Применительно к старорусскому периоду выявлена дефиниция нормы, определены ее качества: наряду с обязательностью, устойчивостью, функционально-стилистической обусловленностью отмечены нестабильность, широкое варьирование языковых средств. Изменения нормы старорусской письменности определяются социально-историческими и собственно лингвистическими факторами.

3. Изучение деловых текстов XVII–XVIII вв. позволяет определить специфику процессов нормирования деловой речи по сравнению с аналогичными процессами в церковнославянском языке. В настоящее время ученые выделяют два типа норм в церковнославянском языке и в деловой речи — строгую и нестрогую [Ремнева 2003]. Л.Ф. Копосов различает общерусскую (орфографическую) норму делового письма и местную (локальную) норму [Копосов 2000].

Теоретические материалы по проблемам нормы деловой речи, а также анализ рукописных текстов г. Тобольска XVII–XVIII вв. позволяет говорить о наличии общерусской нормы делового текста и местной (локальной) нормы, или об общерусском и местном узусе. *Норма* закреплена в правилах употребления, *узус* — это традиция употребления. При этом местный узус часто соответствует общерусской норме предшествующего десятилетия. Но с наличием кодифицированной общерусской нормы в языке XVII–XVIII вв. (особенно XVII в.) вряд ли можно согласиться.

4. Нормообразующие единицы текста иерархичны. Нормы делового текста (документа) закреплялись на уровне центральных (ядерных) единиц — формулярных.

5. В специальных исследованиях сопоставляется норма и кодификация (А. Едличка, Т.В. Кортава, М.В. Каравашкина, А.А. Алексеев и др.). Считаем, что в старорусский период не существовало кодификации в современном смысле слова. Деловой язык XVII и частично XVIII вв., не имевший кодифицированных источников, остался на уровне текстологических кодификаций. В данный период текстологическая кодификация по отношению к кодификационной норме была препозитивна. Образцовые деловые тексты этого времени — тексты документов центра.

6. При определении понятия норм деловой речи трудно различимы два понятия: *норма* и *узус*. В старорусских письменных текстах узус обладал качествами нормы и, имея письменную традицию, «сливался» с ней.

Это все же разные понятия. *Норма* — это регулятор употребления языковых единиц в речи, некий механизм, диктующий выбор из нескольких вариантов, предлагаемых языком. *Узус* — это привычное употребление. Но нормы делятся на два основных вида: узуальные и кодифицированные. Первые являются общепринятыми, но не закрепленными в образцовых письменных текстах (они распространяются главным образом на устную речь), вторые — получают фиксацию в образцовых текстах, а в национальную эпоху (начиная со второй половины XVIII в.) закрепляются в учебниках, словарях, нормативных грамматиках и т. д.

7. В описании норм деловой письменности иногда делается крен в сторону вариативности. В старорусских текстах вариативность есть представление разными вербальными способами одних текстовых единиц. Именно варьированием этих единиц определяется эволюция деловых текстов. Отбор адекватных текстовых единиц обуславливает их закрепление в речи как нормированных.

8. Проблему нормы деловой письменности связываем с проблемой авторства. Уже в XVII в. можно говорить о степени грамотности писцов. Это время, когда издавались буквари, книги, в делопроизводстве были распространены рукописные учебные пособия. Но цель буквара — научить читать, а не установить норму. Учебные пособия, в которых были бы даны

правила написания, расстановки знаков препинания, правила словоизменения, в XVII в. отсутствовали, равно как и не было пособий с рекомендациями по употреблению грамматических вариантов или по составлению различного рода документов.

Исследователи деловой речи выделяют три группы писцов: 1) профессионалы; 2) полупрофессионалы; 3) непрофессионалы. Создателями документа были, как правило, писцы первой и второй групп. «Секреты» делового письма переходили от писца к писцу, передавались как традиционные, узуальные. Однако подчеркиваем, что исполнение документа прежде всего зависело от грамотности писца, от степени его выучки, языковой компетенции.

Анализ материала позволяет предположить наличие уже в старорусский период общерусской нормы делового текста и местного узуального написания. Общерусские нормы делового текста, на наш взгляд, закреплялись на уровне центральных единиц — формулярных. Узуальное же написание поддерживалось только традицией.

Историю русского литературного языка XVII–XVIII вв. трудно признать окончательно разработанной до тех пор, пока остается неисследованным огромный массив текстов, хранящихся в региональных архивах России. Язык местных официально-деловых документов, публицистических произведений, текстов частной переписки и др. определяет особенности в эволюции литературного языка, обнаруживает наличие многообразных складывающихся норм и установлений в различных жанрах деловой письменности данного периода.

Литература

1. Алексеев А.А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI–XVIII вв. // Вопросы языкознания. М. 1994. № 2.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982.
3. Живов В.М. Роль русского церковнославянского языка в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 2002.
4. Едличка А. Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976.
5. Каравашкина М.В. Понятия и их применение к русскому литературному языку до XVII века // Филологические науки. 1999. № 6.
6. Киянова О.Н. Функционирование форм двойственного числа в книжно-славянском языке XV–XVI вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990. 23 с.
7. Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М.: Изд-во Моск. пед. ун-та, 2000. 287 с.
8. Кортава Т.В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 110 с.
9. Майоров А.П. Нормативное и узуальное в правописании приставок и предлогов на з/с в деловой письменности XVIII века // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 157–170.
10. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006. 263 с.
11. Майоров А.П. Региональный узус деловой письменности XVIII в. (по памятникам Забайкалья). М., 2006. 314 с.
12. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII веков). М.: Высшая школа, 1975.
13. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 684 с.
14. Никитин О.В. Проблемы этнолингвистического изучения памятников деловой письменности. М: Флинта, 2000.

15. Ремнева М.Л. История русского литературного языка. М.: Аз Буки Веди, 1995.
16. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 328 с.
17. Черных П.Я. Язык Уложения 1649 года. М., 1953.

Э. О. Гаврикова, г. Тюмень

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВЕННОЙ НОМИНАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ АГЕНТСТВ НЕДВИЖИМОСТИ г. ТЮМЕНИ)

Яркой чертой постсоветского развития экономики является появление нового вида специализированных коммерческих организаций, профессионально занимающихся посредничеством при заключении сделок купли-продажи, аренды коммерческой и жилой недвижимости — агентств недвижимости, или риелторов. Первые частные фирмы, предлагающие услуги в сфере недвижимости, стали появляться в начале 1990-х годов, однако 2000-е ознаменованы бурным развитием риелторских контор. На данный момент в городе зарегистрировано около 250 организаций, предлагающих посреднические услуги в сфере недвижимости.

Названия агентств недвижимости, или эргонимы, выполняют номинативную, информативную, классифицирующую, идентифицирующую, дейктическую, дистинктивную охранную, коммуникативную, рекламную, аттрактивную, эстетическую, суггестивную и мифологическую функции.

Если в течение советского периода наблюдалась относительная стабильность, четкая регламентированность эргонимов, то в период бурного развития коммерческой деятельности языковой облик города существенно обновился и расширился за счет появления новых типов и моделей наименований организаций, учреждений, корпораций, предприятий, в том числе и заимствованных, возвращенных дореволюционных имен, усилились информационная и воздействующая функции эргонима, размылись границы между терминологической и индивидуализирующей частью, поэтому исследование искусственной городской номинации представляется актуальным.

Интерес к выбору и особенностям функционирования эргонимов обусловлен их широкой распространенностью и высокой воспроизводимостью в современном коммуникативном пространстве города, способностью внедряться в сознание носителя языка и участвовать в формировании его картины мира. Эргонимы — активно развивающийся лексический пласт, отражающий морально-этические принципы общества, его традиции, картину мира, этноспецифические характеристики языкового коллектива, позволяют проследить тенденции развития ономастики, активные словообразовательные процессы, а также специфику языкового кода города, так как обозначают предметы, значимые в его жизнедеятельности.

Выступая в сфере рекламной коммуникации, эргоним — средство индивидуализации делового объединения людей — обладает следующими свойствами:

- 1) системность;
- 2) частотность;
- 3) высокая степень известности;
- 4) наличие целевой аудитории;